

всей Турции, тем более в Сирии, где мусульмане особенно фанатичны и наглы. Бесчисленные опыты показали, что турецкое правительство не хочет, да если б и хотело, то не может избавить своих подданных (не одних христиан, но даже и тех мусульман, которые занимаются мирными промыслами) от грабежей и всяких насилий. Но европейские державы до сих пор ограничиваются полумерами, по взаимному соперничеству. Так и теперь, конечно, ничего прочного не выйдет из вмешательства, на которое они решились. Французские, английские и другие корабли посланы в Бейрут. Их появление остановит разбойников, но через год, через два возобновится та же история. Газеты очень много толкуют теперь о сирийских делах, даже рассуждают о важных переменах, которые произойдут из них в европейской политике. Само собою разумеется, что все это не больше, как праздные толки. Тысячи людей в Сирии перерезаны, десятки тысяч ограблены; теперь, может быть, будет убито несколько десятков убийц, — тем дело и кончится до следующего точно такого же случая²⁴. Причины к переменам в отношениях между европейскими державами даются самой Европою, а не Азиею.

ПАЛЕРМСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «Times-a»

(в извлечении)

5 июня, в два часа дня, Ланца прислал офицера к Гарибальди с предложением, что неаполитанцы готовы очистить королевский дворец и все другие позиции, занимаемые ими в городе, если ему будет позволено удалиться в северо-восточную часть гавани, где находится мол.

«Город образует почти правильный параллелограмм, который тянется от берега к горам с северо-востока на юго-запад. В северном углу его, на берегу, стоит цитадель, занимаемая войсками. На противоположном углу параллелограмма стоит дворец; подле него бастион, образующий западный конец города, и ряд больших зданий на площади перед дворцом, — этот бастион и здания, вместе с дворцом, были заняты неаполитанцами. На юго-западной стороне, от морского берега до Терминских ворот, тянется одно большое здание, мимо которого идут два шоссе, одно в Мессину, другое в Катанию. Почти параллельно с морским берегом идет дорога в Трапани; направо от этой дороги, в трех милях от города, находится большая открытая местность, прилегающая одною стороною к трапанской дороге, а другою к Monte Pellegrino. Местность эта называется лагерем, потому что служила полем для маневров королевским войскам. Вот на ней-то хотели сосредоточиться неаполитанцы, оставив королевский дворец».

Она представляла для них то главное удобство, что находилась подле гавани, и просьба перейти на нее из королевского дворца уже показывала, что Ланца оставил всякую мысль о продолжении борьбы, думая только об отъезде из Палермо. Но переговоры об этом были прерваны возвращением генерала

Летиции из Неаполя. Он привез полномочие генералу Ланца заключить капитуляцию. — Неаполитанские командиры совершенно упали духом, потому что никак не ожидали нападения на Палермо, а когда началось оно, никак не хотели воображать, что перевес останется на стороне Гарибальди. При самом начале сражения они послали в Неаполь известие, что Гарибальди окружен в городе и к вечеру будет взят в плен со всеми волонтерами и инсургентами. Эта самоуверенность их, конечно, была одною из причин долгих колебаний неаполитанского правительства, которое никак не могло поверить безнадежности положения своих войск в Палермо, так недавно еще получив от них совершенно противоположные известия.

На другой день по возвращении Летиции, 6 июня, заключена была капитуляция об отъезде неаполитанских войск из Палермо; ее подписали со стороны неаполитанцев генерал Колонна, а со стороны Гарибальди полковник Турр. Но кроме этой капитуляции, немедленно обнародованной, была заключена секретная конвенция, подписанная самим Гарибальди и генералом Летициею. Она определяла разные подробности условий, заключавшихся в капитуляции, и говорила о размене пленных. Срока для отъезда неаполитанцам не назначалось по невозможности определить, во сколько дней успеют они кончить сборы; было только сказано, что они всячески будут спешить ими, и дела их были так дурны, что они действительно очень торопились. Королевский дворец с соседними зданиями был очищен 7 июня, на другой день по заключении капитуляции. Все неаполитанские войска оттуда перешли на лагерное поле у гавани.

Отправление неаполитанских войск из Палермо началось 7 июня. Сами неаполитанские офицеры признавались, что их солдаты занимаются грабежом; но, повидимому, не принималось никаких мер для восстановления между ними дисциплины, и грабеж продолжался. Так, например, они разграбили в королевском дворце все серебро, весь гардероб, все столовое белье, так что в дворце остались одни голые стены. Когда королевский дворец с соседними кварталами был сдан Гарибальди, он повсюду в этой части города расставил караулы из своих альпийских стрелков, приказав им никого не пускать туда: во-первых, для того, чтобы не было воровства, а во-вторых, и потому, что небезопасно было входить в эти кварталы; полуразрушенные бомбами дома беспрестанно падали, а от множества заваленных развалинами трупов воздух был заразителен. Первою заботою Гарибальди было велеть ломать стены домов, грозивших падением, собирать из-под развалин трупы и хоронить их.

«Палермское городское начальство назначило комиссию для осмотра этих кварталов и представления отчета о их положении. Палермцы надеются, что отчет будет подписан всеми генеральными консулами. Рус-

ский генеральный консул может тут говорить по опыту: в его собственный дом упала бомба, и он видел в нем последствия бомбардировки. То же можно сказать и о британском консуле. Другим надобно только пройти по улицам, чтобы приобрести все нужные сведения. Окрестности города поучительны в этом отношении не меньше самого города. Идите по какому хотите направлению, — в Фаворите, в Монреале, в Гуанданью, везде вы увидите, что почти каждый дом сожжен или разграблен. Грабеж этот не может извиняться и боевым беспорядком, потому что все окрестности города были ограблены еще до появления Гарибальди.

Но неаполитанцы скоро пожалели то, что посеяли. Этот грабеж, который они поощряли для воодушевления своих солдат, был одною из главных причин их поражения. Сами неаполитанские генералы начали над своим войском то дело, которое Гарибальди только довершил. Вспоминая, с какою горстью людей явился Гарибальди, нельзя было не изумляться его почти баснословному успеху при взгляде на неаполитанские войска, шедшие по городу третьего дня. Их было, по крайней мере, тысяч четырнадцать человек, здоровых, высокого роста, превосходно вооруженных, снабженных сильною артиллериею. Только тогда, когда начали они отступать, мы увидели, как сильны они были. Но под блестящею наружностью господствовала в них совершенная испорченность, делавшая их неспособными к битве. Думая только о грабеже, солдаты вышли из повиновения, и офицеры боялись их больше, чем неприятеля; а из офицеров многие имеют либеральный образ мыслей и сами неохотно сражались.

Неаполитанское правительство хотело иметь армию, на которую могло бы полагаться, которая была бы чужда новых идей. Конскрипция * доставила ему солдат, но солдаты ничего не значат без офицеров. Хороших офицеров мог бы дать образованный класс, но именно он был противником господствующей системы; мало людей из этого класса поступало в армию, да и те, которые поступали, казались подозрительными. Потому офицерское сословие составлялось или из стариков, бывших в прежней армии (до 1848 года) и остававшихся на службе только по неспособности прокормиться каким-нибудь другим занятием, или из аристократической молодежи. Таким образом, явилось два разряда офицеров: один — блестящий, годный только для парадов, другой — погрязший в рутине. Ни тот, ни другой не мог пробуждать хорошего духа в солдатах. Я был изумлен, смотря на офицеров отступавшего войска: все они старики. Капитан без седых волос был редким исключением. Унтер-офицеры, еще меньше офицеров соответствовали надобности правительства. Неаполитанские поселяне так невежественны, что делать их унтер-офицерами нельзя; в эти чины по необходимости производились бедные люди среднего сословия, которое враждебно господствующей системе. О их влиянии на войско можно судить по тому факту, что по крайней мере три четверти дезертиров, перешедших к нам, — унтер-офицеры. Армия имела блестящий вид, но в дело не годилась.

Еще до прибытия Гарибальди, еще до начала сицилийского восстания обнаружались симптомы, из которых правительство могло видеть ненадежность войск. Восьмой и десятый полки, получив приказание двинуться во внутренность Сицилии, не захотели идти и выказали такой дух неповиновения, что пришлось совершенно переформировать их. Легкость, с какою было подавлено восстание в самом Палермо, богатая добыча, награбленная солдатами в Гуанчском монастыре, — все это несколько восстановило самоуверенность войска. Такие мысли были поддержаны успехом экспедиций в Карини, Партенико и т. д. Толпы инсургентов, обменявшись издали выстрелами, отступали в горы. Солдаты, вместо того чтобы преследовать их, бросались на города, жгли, грабили и резали.

* Рескрутский набор. (Прим. ред.)

Прибытие Гарибальди изменило мысли войска. Сначала неаполитанцы надеялись на свою многочисленность, и если бы первая встреча была удачна для них, неаполитанская армия, быть может, и стала бы сражаться; но при Калата-Фими 500 человек альпийских стрелков погнали с одной позиции на другую отряд, имевший до 4 000 человек. Будучи поражены при таком числительном превосходстве, неаполитанские солдаты упали духом».

Мастерские маневры Гарибальди под Палермо заставили неаполитанских офицеров и солдат не верить своему искусству и своим генералам. Потом трехдневная уличная борьба совершенно подорвала всякую дисциплину в неаполитанцах, занимавшихся не столько битвами, сколько грабежом. — Сказав о прибытии нескольких новых волонтеров из Италии, корреспондент «Times'a» замечает, что вся армия Центральной Италии отправилась бы в Сицилию, если б только позволили ей, и после того продолжает:

«Сардинское правительство винили в том, будто бы оно покровительствовало экспедиции Гарибальди, между тем как оно делало все, что могло, чтобы помешать ей, и если экспедиция все-таки устроилась, то единственно благодаря средствам, какие имел сам Гарибальди. Если бы сардинское правительство благоприятствовало экспедиции или хотя смотрело на нее сквозь пальцы, то неужели задержало бы оно 12 или 15 тысяч ружей, которые были закуплены у Гарибальди за деньги, доставлявшиеся ему из целой Европы».

Через несколько дней, сообщив известие о том, как идет отправка неаполитанских войск, корреспондент замечает:

«Между неаполитанцами есть люди, надеющиеся вернуться сюда месяца через три. Они, вероятно, надеются на повторение того, что было в 1848 году, когда сицилийцы пропустили целых семнадцать месяцев без всяких забот организовать свою армию. Но если некоторые ободряют себя такою мечтою, то на большинство произведено совершенно противоположное впечатление нынешними происшествиями. Очень многие, особенно те, которые говорили с Гарибальди, обратились в итальянцев, и некоторые офицеры выражали надежду, что скоро будут сражаться рядом с ним за итальянское дело».

Описывая систему притеснения, от которой избавились теперь сицилийцы, корреспондент «Times'a» замечает:

«Какую же пользу принес этот терроризм? Он не успел воспрепятствовать составлению заговора. Принимались крутые меры, арестовали людей целыми толпами, а все-таки полиция не могла открыть истинных руководителей заговора. Прокламации секретного комитета были прибиты на стенах по всем улицам. Как только Гарибальди высадился, секретный комитет открыл правильные сообщения с ним и уведомлял его о всех движениях войск; а неаполитанцы, как ни подкупали людей, как ни грозили им, не могли ничего узнавать о движениях Гарибальди, не могли устраивать сообщений между разными своими отрядами. Фон-Михель, возвращаясь из похода на Корлеоне и дошедши до Мисильмери, предлагал 500 червонцев тому, кто пронесет через город письмо от него к войскам, стоявшим в королевском дворце; никто не взялся исполнить это. Каждый сицилиец знал, когда Гарибальди придет в Мисильмери; все говорили об этом, а между тем неаполитанцы не знали ничего. Сам генерал Летиция говорил, что нака-

нине вступления Гарибальди в Палермо, уже вечером, он прогуливался по берегу с генералом Ланцею и они поздравляли друг друга с успехом действий против Гарибальди, полагая, что дело уже кончено. «Мы легли спать», говорил он, радуясь тому, что кончились все опасности, а поутру были пробуждены известием, что Гарибальди стоит в Палермо».

Понемногу палермцы переставали бегать по улицам и кричать, как сумасшедшие, от восторга; но все-таки они умели сдерживать себя, только пока не видели Гарибальди: при его появлении попрежнему сбегались толпы и поднимался восторженный гвалт. Это поклонение так надоело скромному генералу, что он перестал показываться на улицах днем, выходя обозревать город лишь на заре, пока все еще спят. Он даже перенес главную свою квартиру на край города, чтобы избежать толпы, постоянно осаждавшей его. Заботы его были поровну разделены между облегчением участи пострадавших жителей Палермо и формированием войска.

«Волонтеры, приехавшие к Гарибальди, обращены в кадры для двух бригад, эти кадры будут наполняться молодыми людьми из палермской провинции, от 20 до 30 лет. Дело идет очень успешно. Когда Медичи привезет своих волонтеров, при их помощи легко будет составить в один месяц армию от 20 до 25 тысяч человек. Артиллерия также устраивается. В Палермо есть большая литейная, сделавшая в 1849 году несколько очень хороших пушек; она теперь возобновила работу; колоколов в Сицилии много, потому недостатка в металле не будет. Если так будет продолжаться, то Гарибальди осуществит похвальбу Помпея: ему даже не нужно и топнуть ногой, чтобы явились легионы. Секрет его искусства в том, чтобы отбрасывать бесполезные формальности и все упрощать. Ранцев у его солдат нет. Каждый кладет в карман своей блузы рубашку и другие нужные ему вещи; только благодаря этому облегчению возможны были необычайные переходы, кончившиеся взятием Палермо».

14 июня генерал Летиция приезжал уведомить Гарибальди о скором отъезде последних неаполитанских войск и просить его о принятии мер, чтобы отъезду их не было препятствий.

«Неаполитанцы постоянно мучились мыслью, что Гарибальди, при всем своем желании, не в силах будет удержать горожан и инсургентов. Именно для того, чтобы несколько обезпечить себя от их нападения, они условились по восьмой статье конвенции освободить семь человек, бывших у них под арестом, только тогда, когда последние солдаты сядут на корабли. Беспокойство их усиливается тем, что они плохо полагаются на свои войска, потому на всех передовых постах они поставили иностранные батальоны. Напрасная предосторожность: дух непослушания овладел и этими батальонами точно так же, как неаполитанскими войсками. С того времени, как иностранные батальоны заняли передовые посты, более ста человек из них дезертировали; из этих дезертиров сформирована теперь особая рота. От Гарибальди они получают больше жалованья, чем от неаполитанцев, и имеют хорошую пищу, которой не имели у неаполитанцев. Неаполитанские солдаты продовольствуются одними сухарями и солониной, но и солонина дается им редко: их корабли так спешат перевозкой войск, что не успевают нагружаться провизией, отходя назад в Палермо. Потому неаполитанские войска находятся в самом тяжком положении. Сами неаполитанцы видят, что солдат надобно совершенно вновь переформировать, прежде чем снова вести в дело. А неаполитанские офицеры не имеют

никакой охоты сражаться. Зараза «итальянской идеи» охватила их почти всех. Против сицилийцев у них еще остается сильная нелюбовь, но когда они встречаются с Гарибальди и его итальянскими волонтерами, они смотрят на них скорее как на сотоварищей, чем как на противников. Так подействовали на них слова Гарибальди и образ его действий. Он поступал с ними не как с врагами, а как с заблуждающимися друзьями, делал в их пользу все, что мог, не пользуясь их несчастным положением; он не старался унижать их, показывать свое превосходство, напротив, всячески отстранял все, чем они могли бы оскорбляться. Смотри на его действия, они убеждались в неспособности своих генералов. Они видят также, что молодые люди быстро возвышаются в национальной армии, если имеют дарования, и невольно сравнивают с этим систему фаворитизма, господствующую в их войске. Если бы неаполитанское правительство не приняло предосторожности, не увезло в Неаполь семейства своих офицеров, чтобы иметь заложников в их верности, многие офицеры перешли бы к Гарибальди.

Гарибальди отвечал Летиции, что отъезд последних отрядов будет безопасен. Когда американцы, бывшие в Палермо, узнали, что неаполитанцы взяли на открытом море корабль под американским флагом, они начали рассуждать в таком смысле, что корреспондент «Times'a» пришел к следующему заключению:

«Если общественное мнение Европы не вмешается в это дело, на Средиземном море явятся американские крейсера, которые с радостью станут овладевать всеми неаполитанскими и австрийскими кораблями».

По сведениям, доходившим до Палермо, он считал, что около 15 июня, кроме войск, отъезжавших из Палермо, остается в Сицилии не больше 4 500 человек неаполитанских войск. Из них около 3 000 в Мессине и около 1 500 в Сиракузах. Большая часть мессинского гарнизона была уже переправлена тогда в Неаполь для борьбы с восстаниями, которых ждали в Калабрии, в Абрुццо и в самом Неаполе.

16 июня явился декрет Гарибальди, распускающий отряды инсургентов; корреспондент «Times'a» по этому случаю делает общий очерк роли, которую они играли в военных действиях:

«Из моих рассказов вы видели, что устройство этих squadre было решительно несовместно с правильной военной организацией. Их неспособность к правильной войне достаточно доказана событиями 1848 и 1849 годов. По спискам числилось тогда в squadre не менее 60 000 человек, которые являлись в ряды, когда неаполитанцы были далеко, и исчезали с приближением неприятеля. Хуже всего было, что их существование обольщало народ надеждою, будто бы существует национальная армия и не нужно никаких других мер, кроме заботы об увеличении числа их. Каждый становился тогда организатором отрядов и выдумщиком мундиров, самосозданные полковники и майоры возникали сотнями. Падение Мессины рассеяло иллюзию. 15 000 этого войска, бывшего в Мессине, скрылось при виде швейцарцев и неаполитанцев: squadrigli торопливо разошлись по домам, зарыли свое оружие и стали мирными гражданами. На защиту Мессины осталось только четыре батальона юношей, от пятнадцати до двадцати лет, которых прежде презирали. Палермо ужаснулся, но было уже поздно поправлять дело.

Но в надгробной речи всегда перечисляются похвальные качества умершего, и я скажу, что благодаря этим squadrigli поддерживалось сицилий-

ское движение до прибытия Гарибальди: без них ему не было бы случая приехать в Сицилию. Все большие прибрежные города были так подавлены гарнизонами, что не имели средств ничего делать. Неаполитанцы каждые два или три месяца делали поиск для всеобщего обезоружения сицилийцев, и обыски эти производились так успешно, что оружия в городах почти не оставалось. По деревням не было возможности достичь этого, и осталось очень много ружей, несмотря на все поиски. Кроме того, неаполитанцы не могли занимать военными отрядами всю внутренность острова, чтобы не допустить собираться вооруженным людям. Попытки восстания, начавшиеся в городах, заставили их еще больше прежнего сосредоточиться там, оставив на волю судьбы внутренность острова. Напрасно посылали они летучие колонны по большим дорогам: колонны шли по острову, как корабли идут по морю, вытесняя на время воду, но не оставляя за собою никаких следов: как только уходила колонна, за нею опять собирались *squadri*. Эта пустая игра вечно гянулась бы так, если бы Гарибальди с своими волонтерами не явился покончить ее. Он сосредоточил и повел с собою этих герильясов, оказавшихся очень полезными во время наступательных действий. Правда, немногие из них держались на своем месте, встреча[ясь] с неприятелем в открытом поле; но, отступая, они опять подбегали к нему с другой стороны и беспрестанно стреляли; потому неаполитанцам казалось, что они со всех сторон окружены legionами инсургентов и что инсургенты не бегут от них, а производят рассчитанные стратегические движения. В ходьбе *squadri* неутомимы; они были очень пригодны для стратегии, которой следовал Гарибальди около Палермо, передвигаясь с горы на гору, повсюду зажигая костры; часто спускались они с гор по садам и в ночное время путали неприятеля своими выстрелами. Самые недостатки их оказывались полезными. Например, когда они колебались, бегали в разные стороны у ворот Палермо, число их возрастало от того в глазах неприятеля, а беспорядочная беготня и стрельба их по всем извилинам улицам Палермо заставляла неаполитанцев думать, что атака ведется со всех сторон. Кроме того, зоркость и наблюдательность удивительна у этих «молодцов»: они дикари, от глаза и слуха которых не ускользнет ничто. Потому в свое время *squadri* были полезны. Но теперь они были бы уже в тягость».

Потому Гарибальди велел им расходиться по домам. Люди, видевшие беспорядочность их, опасались, что они не послушаются; но нравственное влияние Гарибальди таково, что они разошлись смиренно и теперь будут переформированы в дисциплинированное войско. *Squadri* состояли главным образом из людей от 30 до 40 лет, — по правилам военной организации, изданным теперь, этот возраст составляет в армии второй разряд, отряды его предназначены только защищать каждый свою провинцию, в случае нападения на нее. Люди от 17 до 30 лет, напротив того, должны составить первый разряд, или собственно действующую армию.

«Все число их составит в Сицилии от 80 000 до 90 000 человек. Надобно вспомнить, что на острове никогда не было конскрипции. Идея о ней пугала многих; тем больше был страх при объявлении, что не допускается ни для кого освобождение от службы и не позволяется ставить вместо себя наемщиков. Но все возражения остались напрасны. Если аристократы не пойдут в армию, не пойдут и поселяне. Это был принцип, от которого нельзя было отступить. Но не все 90 000 человек понадобятся вдруг, потому призыв на службу можно было смятчить тем, что прежде других призываются к оружию одни желающие. В несколько дней явилось 300 волонтеров из первых фамилий и записались в рядовые солдаты».

По неаполитанской системе сицилийцы не допускались к военной службе, и потому народ совершенно не имел людей, сколько-нибудь знающих ее.

«Но, несмотря на все затруднения, первая дивизия составлена уже почти в полном комплекте; за быстроту, с какой она сформировалась, надобно благодарить полковника Турра. Она вся составила из волонтеров, которые, несмотря на свою молодость, обещают быть отборными солдатами. Этот пример не останется без влияния на весь остров. Каждый день приходят известия из разных городов и округов, что волонтеры везде являются во множестве. Оружие для этих людей находить труднее, чем находить самых людей. Мы здесь в столице Сицилии, а вы не можете вообразить, как бедны мы оружием».

17 июня, вечером, прибыла в Палермо экспедиция Медичи. Этот отряд составит кадр для сицилийской армии, снабдит ее унтер-офицерами, и корреспондент «Times'a» говорит: «его прибытие увеличивает наши силы, по крайней мере, в пять раз». 19 июня отплыли из Палермо последние неаполитанские войска. Гарибальди расставил сильные караулы из итальянских волонтеров по дороге от цитадели к пристани, чтобы народ не бросился на уходящего неприятеля. Благодаря этому, а также и тому, что горожане не ждали так скоро этого последнего акта и не успели взволноваться, войска ушли на суда, не будучи тревожимы народом. Они были совершенно деморализованы, но к их счастью народ ограничился одним свистом им. Счастьем для неаполитанцев было и то, что внимание горожан отвлекли от них освобожденные молодые люди, которые содержались в цитадели под арестом и были освобождены при передаче цитадели в руки Гарибальди. Этих пленников повезли теперь по городу с триумфом, и столпление народа вокруг них было так велико, что процессия ехала из цитадели до главной квартиры Гарибальди целых три часа. Когда они приехали в главную квартиру, где ждали их родственники и Гарибальди, начались обыкновенные в подобных случаях сцены, обнимания, поцелуи, и только уже по окончании всего этого главная масса горожан хлынула на пристань, а неаполитанцы тем временем уже успели прийти на берег и сесть в лодки, так что пришедшая туда толпа могла только посылать угрозы вслед им. Вечером город был иллюминирован.

На другой день (20 июня) первая дивизия сицилийской армии, или, как называется она официальным образом, первая бригада 15-й дивизии национальной итальянской армии, будучи уже вполне сформирована, выступила под командою Турра во внутренность острова, чтобы приучаться к походной жизни. Она сделала в этот день довольно большой переход, не оставив за собою ни одного отсталого; корреспондент «Times'a» находит это обстоятельство свидетельствующим, что она окажется очень способною к перенесению военных трудностей.

21 июня были кончены перевозки волонтеров и припасов, прибывших с Медичи, с кораблей на берег. Корреспондент

«Times'a» говорит, что этот новый отряд составлен из таких же отборных бойцов, из каких состоял первый отряд, приехавший с Гарибальди. Основанием обоих отрядов служили люди, находившиеся в числе альпийских стрелков, с которыми действовал Гарибальди в прошлогоднюю войну. Разумеется, прибытие отряда Медичи возбудил сильнейший восторг в Палермо.

22 июня явилась депутация городских властей благодарить Гарибальди за освобождение острова. Палермо решил поставить статую своему освободителю.

«Гарибальди отвечал депутатам (говорит корреспондент «Times'a») одною из тех увлекательных речей, какие умеет всегда произносить. Он напомнил им, что не все еще сделано, что надобно сосредоточить все мысли на довершении начатого дела. Сицилия может стать свободною только как часть Италии. К этому должны стремиться их усилия; но время для присоединения к Сардинии не прошло еще. Присоединение повело бы к дипломатическому вмешательству, которого надобно избегать».

Последние из писем, прочитанных нами, отправлены в «Times» 29 июня и 6 июля уже не из Палермо, а из Алии, небольшого городка, верстах в 75-ти от Палермо, по дороге в Катанию и Мессину, из Кальтанисетты, главного города Кальтанисеттской провинции, лежащего на половине этой дороги. В Палермо нет ничего нового, говорит корреспондент, и я рассчитал, что гораздо лучше будет мне отправиться в поход с бригадою Турра, чем оставаться в Палермо: я посмотрю, что делается в глубине острова и как сицилийские солдаты приучаются к походной жизни. Во внутренности острова он нашел гораздо больше благосостояния, чем в Палермо, потому что неаполитанские притеснения не могли так успешно проникать во внутренность страны, как подавляли всякую деятельность в прибрежных местах. Повсюду встречал он такой же энтузиазм к национальному делу, как в Палермо; но провинциалы, менее забытые, показались ему, по крайней мере в некоторых местах, способнее палермцев поддерживать своих освободителей серьезным содействием, а не одними криками восторга. Сицилийские новобранцы, по его свидетельству, быстро привыкают к дисциплине и становятся порядочными солдатами: он говорит, что в Алии, сделав три перехода из Палермо, они уже стали гораздо более похожи на регулярное войско, чем были в Палермо. Дальше, по чрезвычайному зною, некоторые из солдат оказались утомленными, нужно было уменьшить размер переходов и увеличить продолжительность отдыхов; но это вовсе не противоречит прежнему свидетельству спутника их о том, что новобранцы оказываются в походе недурными солдатами: изнурительность марша была такова, что в эти дни силы изменяли не им одним, а также и ветеранам-волонтерам. В перенесении всех этих трудностей сицилийские рекруты обнаружили очень порядочную энергию и способность сохранить дисциплину, что важнее всего.